

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ГЕОГРАФИИ древнего Северного Причерноморья

Среди известных нам памятников древней географии совсем нет карт, начертанных в древности, или хотя бы позднейших копий, но таких, о которых можно было бы с уверенностью говорить, что они вполне отвечают принципам и технике античной картографии.

Современная наука принуждена довольствоваться дошедшей до нас в редакции XIII в. большой картой мира—картой Кастория, или иначе *Tabula Peutingeriana*, представляющей собой копию (со следами позднейшей переработки) карты значительной древности, дата которой до сих пор не установлена с точностью. В дополнение к этому важнейшему источнику географии Римской империи, значение которого все возрастает по мере его изучения, новейшая критика указывает на «Космографию» Равеннского анонима, как на труд, составленный главным образом по картографическим данным¹.

При всем значении *Tabula Peutingeriana*, по содержанию частично восходящей к II в. н. э., всегда останутся сомнения относительно адекватности картографических приемов оригинала и имеющейся в нашем распоряжении копии, потому что приемы эти могли быть очень сильно изменены и искажены в соответствии с техникой средневековой картографии.

Тем ценнее для нас первое подлинное свидетельство римского, хотя бы и довольно позднего, времени—небольшой отрывок древней карты, начертанной на куске кожи и добытой при раскопках одного из кастелей парфянского *limes Romanus* Римской империи на Евфрате.

В 1923 г., во время археологических работ в Дуре Эвросос — крепости, на протяжении более двухсот лет охранявшейся римским гарнизоном, где в 244 г. во время восстания гарнизонных солдат был убит император Гордиан III, и которая была окончательно эвакуирована римлянами лишь при императоре Юлиане, в одной из башен крепостной стены был обнаружен фрагмент овального щита, принадлежавшего скорее всего одному из солдат когорты пальмирских лучников, занимавших крепость в последний период ее оккупации римскими войсками². Щит был деревянный, из тонких, вме-

¹ Кубичек—Pauly—Wissowa, *Realencyclopädie*, s. v. «Karten».

² Fr. C u m o n t—Un extrait d'une carte romaine d'état major. См. в журнале «La géographie», 1925, № 9.

сте соединенных планок, на которые был наклеен кусок толстой и плотной кожи. От этой кожи, служившей защитой от парфянских стрел, уцелел лишь небольшой обрывок, драгоценный, однако, тем, что он-то и сохранил на себе часть древней карты, исполненной в красной, голубой и белой красках. Уцелевший на щите фрагмент содержит изображение побережья Черного моря от реки Галема Калчис или Правадия Дерве (Πλευδός) до Трапезунта.

Как об этом можно судить по сохранившейся части, центр карты был занят изображением моря, окрашенного в голубой цвет, на котором коричневато-красным изображены плывущие суда. Изображения эти очень нечетки; для их воспроизведения издателю пришлось прибегнуть к красочной репродукции, которая, будучи исполнена довольно грубо, не может быть повторена с помощью фотографии. Во всяком случае, там могут быть угаданы три весельных корабля разных размеров с сидящими на них гребцами.

С правой лишь стороны уцелело изображение суши, широким бордюром шедшее вокруг моря. Материк исполнен красной краской. По нему голубой краской изображены впадающие в море реки, Белыми буквами, по-гречески, обозначены названия рек и населенных пунктов, символизируемые домиками с двускатной крышей, каменной кладки, напоминающими некоторые изображения кастелей дунайского *limes*'а на колонне Марка-Аврелия ¹.

Мы здесь ограничиваемся воспроизведением сохранившейся части бордюра с изображением суши по рисунку, приложенному к названной публикации К ю м о н а. Рассматривая этот весьма любопытный и в своем роде единственный документ, обстоятельствами находки приурочиваемый к первой половине III в. нашей эры ², мы находим в нем кое-какие географические сведения о большом отрезке Черноморского побережья как раз для того времени, к которому не может быть отнесен ни один из известных источников исторической географии Черноморья.

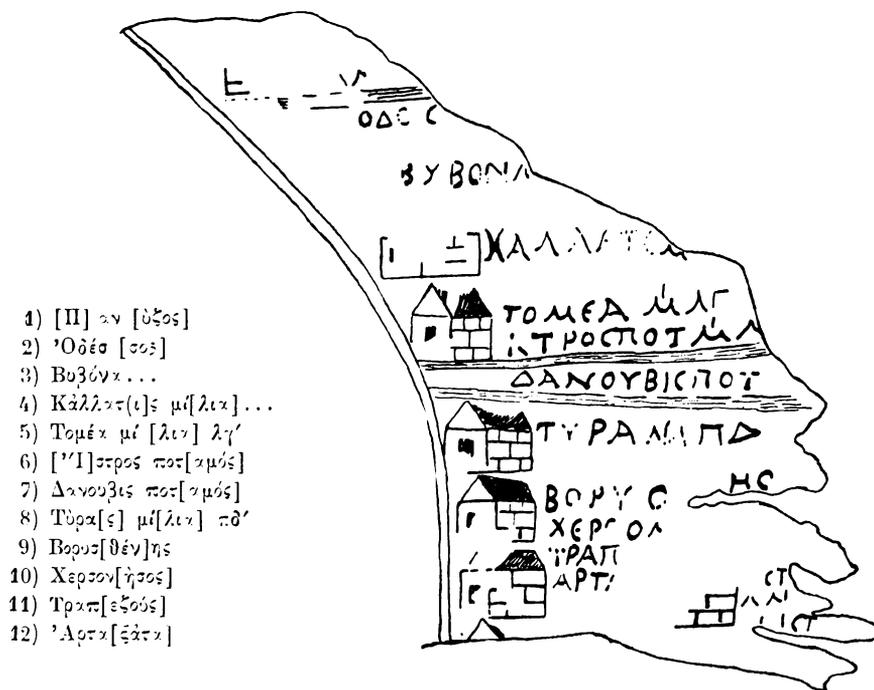
При первом взгляде на карту не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что при довольно значительной величине карты мы обладаем, повидимому, судя по криватуре береговой линии, не более, как шестой ее частью; на небольшом пространстве заключено начертание большей половины общего протяжения Черноморского берега.

Это заставляет предположить, что при чрезвычайной суммарности данных, сообщаемых для северного и восточного побережья—южное и западное побережья, как о том позволяет судить сохранившаяся северная часть, разработаны были с наивозможной полнотой.

С другой стороны, ни форма щита, ни его размеры не дают, как будто, повода думать, что целый экземпляр имел бордюр, содержащий изображение материка с реками и населенными пунктами значительно большей ширины, чем мы имеем на нашем отрывке. О том же, что он все-таки был раза в полтора шире, свидетельствует сохранив-

¹ См. Fr. К ö р р—Römer in Deutschland, Ab. 139, левое здание.

² С и т о н т, цит. статья, стр. 3.

- 1) [Π] αν [ὄζος]
- 2) Ὀδῆα [σος]
- 3) Βουβόνχ...
- 4) Κάλλυτ(ι)ς μί[λια]...
- 5) Τομέχ μί [λιον] λή'
- 6) [Ἰ]στρος ποτ[αμός]
- 7) Δανουβίς ποτ[αμός]
- 8) Τύρα[ς] μί[λιον] πδ'
- 9) Βουρ[θέν]ης
- 10) Χερσον[ήρος]
- 11) Τραπ[εζός]
- 12) Ἄρτα[ξάτα]

шийся у внешнего края его наиболее широкой части условный знак населенного пункта—домик с неподдающимся восстановлению обрывком надписи при нем.

Сохранившаяся часть бордюра содержит текст, состоящий из наименований поселений, рек и цифровых указаний о разделяющих их расстояниях.

Небольшой столбец названий обнимает весьма значительное пространство—все побережье Черного моря от Фракии до Понта, плюс пункт, отстоящий на несколько сотен километров от моря—Артаксата на Араксе—древняя столица Великой Армении.

Читатель, конечно, уже обратил внимание на тот факт, что в перечне отсутствуют вовсе города Кавказского побережья и города побережья Крыма, за исключением Херсонеса.

Все поименованные в перечне пункты без изъятия содержатся в двух близких нашей карте по времени источниках древней географии Черноморского побережья и прилегающих стран, относящихся ко времени поздней империи—на *Tabula Peutingeriana* и в перечнях населенных пунктов, упоминаемых в «Космографии» Равеннского анонима.

Tabula Peutingeriana называет для той же территории в несколько раз больше населенных пунктов. Еще более разительна неполнота нашей карты при сравнении с перечнем Равеннского анонима.

Однако, пожалуй, было бы рискованно сравнивать данные карты из Дура Эвропос с данными равеннского географа. Хотя новейшая

критика и признает, что основа его текста восходит к карте-дорожнику конца II—начала III в. н. э., тем не менее совершенно ясно, что это далеко не простой список с древней карты. Некоторая часть сведений Равеннского анонима почерпнута, очевидно, из землеописаний, периплов и периэгов позднего времени, греческого, а для восточных территорий, может быть, также и местного происхождения, тогда как наша карта, несомненно, представляет собой перевод (вероятнее всего, сокращенный) какой-то карты, составленной на латинском языке, о чем непреложно свидетельствуют, помимо греческой транскрипции латинского названия реки Дуная—*Δουβῆς ποταμός*, обозначения расстояний в милях, а не в стадиях.

Поэтому естественнее всего при изучении нашего отрывка обращаться за аналогиями к Пейтингеровой карте, значительно, правда, от него отличающейся по принципам составления. *Tabula Peutingeriana*, по общему признанию, восходит к утраченной для нас в подлиннике карте Випсания Агриппы (*orbis pictus*), возникшей в результате огромного, многолетнего труда императорской канцелярии, предпринявшей по поручению Августа и под руководством Агриппы сбор сведений о направлении и протяжении дорог империи и других стран, с которыми римляне поддерживали торгово-политические отношения и о географии которых имели достоверные сведения. Карте Агриппы очень многим обязана географическая часть «*Historia naturalis*» Плиния, через чье посредство мы знаем о ее существовании и можем судить о ее составе.

Но если *Tabula Peutingeriana* имела своим основанием карту Агриппы, она, несомненно, претерпела ряд существенных изменений и дополнений за время своего более чем тысячелетнего употребления и практического служения географии. Мы находим на ней следы средневековых переработок, заставляющих отнести ее последнюю, до нас дошедшую, редакцию к XII в.

Как известно, *Tabula Peutingeriana* в отличие от того, что мы видим на нашем отрывке, указывает направление дорог, соединяющих населенные пункты. В частности, для причерноморских стран она указывает дороги по Фракийскому побережью и по побережью Нижней Мезии до устья Дуная. Она отмечает ряд населенных пунктов, названий гор, рек, озер и племенных обозначений для Крыма и Кавказа. Указаны дороги, связывающие Трапезунт с Диоскуриадой (Себастополисом) на берегу моря и с Артаксатой через Саталу по Евфрату и Араксу и через Фазис-Каспий по побережью, Рпону, Верхней Куре и Араксу. По северному берегу от устья Дуная (*ad stoma*) и до Диоскуриады (*Sebastopolis*) на Кавказском побережье *Tabula Peutingeriana* не указывает дорог¹.

То обстоятельство, что города Фракийского и Мезийского побережий представлены на нашем отрывке сравнительно весьма полно, между тем как на весь северо-восточный берег Черного моря при-

¹ См. K. Müller—Die Weltkarte des Castorius, genannt die Peutingerische Tafel (издание в красках). Можно пользоваться также старым изданием M а м е р т а—*Tabula itineraria Peutingeriana etc.* Leipzig, 1824.

ходятся только лишь три пункта, позволяет предположить, что во всяком случае в ее приморской части наша карта была составлена применительно к нуждам путешествующего вдоль южных или западных берегов Черного моря, например по дороге, ведущей из Византия к устью Дуная сухим путем или по морю, вдоль берега. Последнее, пожалуй, вероятнее и вот по каким соображениям: если мы обратимся к периплу Арриана—путеводителю для пловцов по Черному морю, составленному в самом начале II в. н. э., и проследим по нему пункты, поименованные в нашем отрывке, то увидим, что карта из Дура Эвропос содержит лишь указания на те пункты, упоминание которых у Арриана сопровождается ремаркой «ὄρμος ναυτί», т. е. стоянка судов. При этом, так как вообще все упоминаемые в перипле Арриана пункты расположены на море и каждый из них непременно обладал какой-либо гаванью, остается представить себе, что или Арриан сопровождал подобной ремаркой лишь пункты, обладавшие особенно хорошо защищенными гаванями, или что это примечание относится лишь к тем пунктам, где стояли римские сторожевые военные суда. В последнем случае для нас был бы, пожалуй, совершенно понятен и оправдан подбор пунктов на обрывке карты. Во время ее составления на северном побережье кораблей римского военного флота, вероятно, не было нигде, за исключением Ольвии и Херсонеса, на Кавказе же—нигде, за исключением Трапезунта, во II в. бывшего главной стоянкой черноморской эскадры.

Первая из сохранившихся в отрывке надписей настолько испорчена, что остались заметны лишь части букв *αυ*. Но так как она принадлежит слову, подписанному под изображением впадающей в море реки, то восстановление его, предложенное Кюмоном, не может, по видимому, встретить каких-либо возражений. Из рек Фракийского побережья южнее Дуная древняя традиция сохранила название лишь одной реки—*Παλύτος*, современная Галема Калчис или Праведия Дерве, впадающие в Черное море близ Варны.

Однако следует все же заметить, что этой реки нет у большинства позднейших авторов. Ее нет на *Tabula Peutingeriana*; о ней не упоминают ни Арриан, ни автор безыменного перипла Эвксинского Понта. Все это никак не свидетельствует в пользу предложенной конъектуры.

Следующий пункт, название которого подписано непосредственно под изображением реки *Παλύτος*, это Одес—один из древних и больших городов побережья. Далее (с пропуском важного берегового пункта—Дионисополя) упомянута Бибона—*Βιβώνα* Арриана и некоторых других, более древних авторов. Кстати сказать, Арриан отмечает это место, как пустынное (*ἔρημος*), лишенное населения. Однако мы находим упоминание о нем в более поздних источниках, например на *Tabula Peutingeriana*, где оно читается *Bibone*—весьма близко к греческой транскрипции нашего отрывка.

Затем мы находим на нем город Каллатию у условного знака несколько большего размера, чем при остальных пунктах. На расстоянии 33 миль от Каллатии показан город Томы, причем в его написании удержана греческая форма *Τομέα*, приведенное же расстояние

от Том до Каллатии близко к указанному Аррианом (300 стадий) и незначительно расходитя с данными Tabula Peutingeriana (34 мили).

Вслед за городом Тома мы находим изображение реки Дуная с надписью под ней: 'Ιστρός ποταμός μίλια (Tabula Peutingeriana указывает от Том до Истрополя 40 миль и от Истрополя до ad stoma 60 миль, т. е. всего 100 миль от Том до устья реки).

Трудно сказать, что именно могло ввести в заблуждение копииста, исполнявшего нашу карту—может быть, он вместо 'Ιστρόβλις прочел 'Ιστρός ποταμός и, написав так, счел нужным и последовательным изобразить у этой надписи реку; может быть, он, наоборот, изобразив реки Дунай и Днестр, перепутал затем необходимые обозначения,—во всяком случае на фрагменте мы находим расположенными одно возле другого два изображения рек, под которыми написано: у одной 'Ιστρός ποταμός, а у другой Δαυούβις ποταμός.

Помещенный вслед затем на левом берегу последней реки город Тира (в действительности он стоял на правом берегу Днестровского лимана) в написании своем, может быть, сохраняет латинское окончание (у Плиния—Тура, IV, 82; у греческих авторов Τύρας). То обстоятельство, что за ним не следует изображения одноименной реки, может служить в пользу последнего из высказанных только что предположений о причинах появления на карте одновременно и латинского и греческого названий реки Дуная.

Тира показана отстоящей от Дуная на расстоянии 84 миль. Следующий за Тирой пункт лежит уже на северном побережье Черного моря. Это—Ольвия, синоним которой Βορυσθένης, приведенный в нашем отрывке, указывается также авторами, между тем, как первое наименование известно, главным образом, из эпиграфики и нумизматики. Содержит его и Tabula Peutingeriana. В перипле безыменного автора (гл. 86) мы находим, между прочим, одно замечание, проливающее некоторый свет на то, как осмысливалось во время империи двойное наименование города. «Город Ольвия,—говорится в перипле,—в древности называвшийся Борисфеном, ныне опять получил свое древнее наименование». Имя города Ольвия, пришедшее на смену старого, одноименного с рекой, названия древней милетской колонии, возникшее, может быть, под влиянием культа Зевса Ольвия в эпоху процветания города, постепенно стало входить в употребление и у чужестранцев. Затем, когда город пришел в упадок, имя реки вновь поглотило имя города.

Упомянутый вслед за Ольвией Херсонес был, как известно, военно-административным центром римских военных сил на берегах Северного Причерноморья, сохраняя это положение в III в., когда в нем стоял гарнизон солдат I италийского легиона. Часть этого гарнизона была сосредоточена на Ай-Тодорском мысу (Χάραξ)—пункте, не упоминаемом, однако, в нашем отрывке.

Не упоминая далее ни одного пункта на всем северо-восточном побережье, отрывок приводит нас к Трапезунту, в центр римских оккупационных сил восточного побережья Черного моря, Кавказа и Армении, главную стоянку черноморского флота. Отсюда, как

показывает и XI сегмент Tabula Peutingeriana, шли две дороги к Каспийскому морю (одна из них—с ответвлением по восточному побережью к Севастополю—Диоскуриаде), встречавшиеся в Артаксате—последнем пункте, начертание которого удастся восстановить на фрагменте карты из Дура Эвропос. Этот город—столица Великой Армении, играл важную роль в событиях, связанных с оккупацией Римом этой страны. Он дважды подвергся разрушению римским оружием, но, очевидно, не утратил окончательного своего значения ни в конце II в. (когда столица была перенесена в расположенный неподалеку от него *κλινη πόλις*), ни в первой половине III в., так как Tabula Peutingeriana, показывая Артаксату, как узловым пунктом дорог, соединяющих берега Каспийского и Черного морей, снабжает ее значком укрепленного пункта.

Южнее и восточнее Артаксаты отрывок помещает еще некоторые пункты, обозначения которых, к сожалению, едва различимы и не поддаются восстановлению.

Итак, главное значение этой находки не в ее содержании. Отрывок не дает нам ни одного неизвестного до сего времени пункта, не прибавляя ничего нового к нашим знаниям в области древней географии Черноморского бассейна. Однако его значение бесспорно велико, ибо он позволяет прежде всего с очевидностью судить о том, как выглядела древняя карта, какова была техника этих *itineraria picta*, о которых мы до сих пор могли судить только по отрывочным замечаниям древних авторов да по облику Tabula Peutingeriana, к которому не было абсолютного доверия. Теперь находка нашего отрывка должна еще больше повысить кредит этого замечательного произведения древности, внимательное изучение которого сулит еще немало открытий, в особенности—в исторической географии нашего Кавказа.

Кроме того, находка в Дура Эвропос позволяет думать, что распространение подобных карт в древности было весьма широко. Несомненно,—и об этом наш отрывок свидетельствует в первую очередь,—что подобными картами широко пользовалось римское военное командование.
